

Местное летописание

1. Новгородское и псковское летописание.
2. Южнорусское летописание.
3. Летописание Северо-востока.

Литература

1. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа: XII-XVII вв. М., 1973.
2. Выготский Л.С. Примитивный человек и его поведение // Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: обезьяна. Примитив. Ребенок. М., 1993.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988.
4. Истрин В.М. Очерки истории древнерусской литературы домосковского периода: 11-13 вв. Пг., 1922.
5. Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения: В 9т.М., 1987. Т. 1.
6. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
7. Лихачев Д.С. "Повесть временных лет": Историко-литературный очерк.
8. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979.
9. Лихачев Д.С. Текстология; На материале русской литературы X-XVII веков. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1983.
0. Лурье Я.С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. Спб., 1994.
1. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV-XV вв. Л., 1976.
2. Мильдон В.И. "Земля" и "небо" исторического сознания: Две души европейского человечества // Вопросы философии. 1992. № 5.
3. Присёлков М.Д. История русского летописания XI-XV вв. / Подгот. К печ. В.Г. Вовиной. Спб., 1996.
4. Присёлков М.Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Уч. зап. ЛГУ: Сер. ист. наук. Л., 1941. Вып. 8.
5. Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
6. Севастьянова А.А. Джером Горсей и его сочинения о России // Горсей Дж. Записки о России: XVI - начало XVII в. / Под ред. В.Л. Янина. М., 1990. С. 20.
7. Творогов О.В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.
8. Тихомиров М.Л. Источниковедение истории СССР. М., 1962. Вып. 1.
9. Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.
0. Шахматов А.А. К вопросу о происхождении Хронографа. Спб., 1899.
1. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV-XVI вв. М., 1938.
2. Шахматов А.А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания.

Новгородское и псковское летописание.

Источники изучения новгородского летописания. XI-XIII вв.

- **Синодальный список (XIII - первая треть XIV в.)**
- **Новгородская первая летописи (старший извод),**

а также списки

- **Комиссионный (XV в.),**
- **Академический (вторая половина XV в.)**
- **Троицкий (вторая половина XV в.),
объединяемые в ее младший извод.**

Их анализ позволяет установить, что в Новгороде с середины XI в. летописная традиция не прерывалась вплоть до XVI в.

История летописания Новгорода Великого.

- Около 1136 г., по-видимому, в связи с изгнанием из Новгорода князя Всеволода, по указанию епископа Нифонта был создан Софийский владычный свод, переработавший новгородскую княжескую летопись, которая велась с середины XI в. Еще одним источником служил также киевский Начальный свод 1096 г., легший в основу новгородского летописания. Возможно, в создании первого владычного свода участвовал известный клирик Новгородской Софии Ки-рик. В начале XIII в. появился новый владычный свод. Его создание было как-то связано с падением Константинополя в 1204 г. Во всяком случае, завершался он рассказом о взятии византийской столицы крестоносцами.

История летописания Новгорода Великого.

- Параллельно с архиепископской кафедрой летописные записи велись в Неревском конце Новгорода, в церкви св. Иакова. Гипотеза о существовании здесь летописного центра основана на отдельных упоминаниях, сделанных от первого лица. Именно они позволяют утверждать, что во второй половине XII в. (после 1174 г.) настоятель этой церкви Герман Воята (1144-1188) предпринял литературную переработку Софийского свода. При этом он использовал также какую-то южнорусскую летопись. Его работу продолжил до конца XII в. безымянный летописец, оставивший запись о смерти Германа. Наконец, к середине XIII в. относится летописная деятельность пономаря Тимофея, который упомянул о себе под 1230 г. Впрочем, на этом уличанская летописная традиция не прервалась. Возможно, сам Синодальный список - одно из ее звеньев.

Особенности Новгородского летописания

- По гипотезе Д. С. Лихачева, после политического переворота 1136 г., в результате которого князь был выселен за пределы города и Новгород превратился в боярскую республику, открывавшая новгородский летописный свод «Повесть временных лет» была заменена «Начальным сводом», отличавшимся антикняжеским духом, что соответствовало политическим настроениям в Новгороде того времени. Летописание XII в., продолжившее это новое, переработанное начало рассказа о первых веках существования Руси, очень существенно отличалось от современного ему южнорусского или владими́ро-суздальского. Прежде всего, оно было подчеркнуто местным: новгородские летописцы редко и скупо говорят об общерусских событиях или событиях в других русских землях.

Особенности Новгородского летописания

- Отсутствовала в **Новгородской летописи** и церковная риторика, новгородские летописцы лаконичны и деловиты: рассказывая об урагане, они упоминают о сорванных крышах и утонувшем скоте, говоря о голоде, называют цену, по которой продавалась рожь, и т. д.
- **Новгородская летопись** этого времени отличается безыскусственностью стиля (здесь мы почти не найдем столь характерных для южнорусского летописания этикетных формул в духе монументального историзма), демократичностью языка, сохранившего много диалектных слов и отразившего особенности местного новгородского произношения.

Значение новгородского летописания

- **Старшие новгородские летописи отразились в так называемой Новгородской первой летописи в двух ее редакциях (изводах). Старший извод представлен Синодальным списком X111— XIV вв. (к сожалению, дефектным — без начала). Это самая древняя из дошедших до нас рукописей с летописным текстом. Древнейшие списки Новгородской первой летописи младшего извода относятся к середине XV в..**
- **Новгородское летописание долгое время остается обособленным от летописания других русских земель, пока в XV в. новгородские своды не будут привлечены как один из источников для нового общерусского летописного свода.**
- **Именно Новгородская 1-я летопись сохранила в своем составе интереснейший литературный памятник (возможно, киевского происхождения) — рассказ о взятии Константинополя (Царьграда) «фрягами» (крестоносцами) в 1204 г., во время четвертого крестового похода. Составленная очевидцем событий (или со слов очевидца), повесть эта является первым русским подробным сообщением о событиях в Византии, при том повествователь оказался прекрасно осведомленным в политической подоплеке событий и со знанием дела изложил все постоянства осады, взятия и разграбления Константинополя.**

Псковское летописание

- **Летописное дело в Пскове зарождается в XIII в., в XIV в. оно принимает регулярный характер, что связано с экономическим подъемом и ростом города, борьбой за политическую независимость от Новгорода. Центром летописного дела в XIV-XV вв. был Троицкий собор, руководили псковским летописанием выборные вечевые власти, в частности посадники. Псковская летопись XIV в. носит по преимуществу деловой, местный характер. Центральное место в летописных записях этого периода занимают рассказы о войнах с Ливонским Орденом и Литвой, описание “розратий” с Новгородом, записи о строительстве церквей и городских стен, о поставлении князей и посадников, о неурожаях, голоде, болезнях, небесных знамениях и т. д. Сообщения об общерусских событиях в псковских летописях немногочисленны и лаконичны. В XV в. тематика летописных статей расширяется, интерес начинают вызывать события, которые не имеют прямого отношения к Пскову,- борьба в Орде, удельные смуты, события в Литве и Новгороде. К концу XIV- 1-й пол. XV в. можно отнести составление одного из первых псковских летописных сводов, его следы обнаруживаются в общерусском летописании: псковский свод (его состав не изучен) был одним из источников общерусского свода 40-х XV в., протографа Софийской I и Новгородской IV летописей (см. Летописи). Во 2-й пол. XV в. выделяются три ветви псковского летописания, различные по своим идейно-политическим тенденциям,-Псковские I, II и III летописи.**

Псковское летописание

- Псковская I летопись на протяжении XV-XVII вв. дает несколько редакций - своды 1469 (Тихановский список), 1481 (Архивский I список), 1547 (списки Погодинский и Оболенского). Псковская I летопись по Тихановскому списку открывается Повестью о Довмонте, затем следует краткое хронографическое введение, после чего начинается изложение общерусской и псковской истории; заканчивается свод рассказом о событиях 1464-1469, связанных с борьбой Пскова за самостоятельную епископию. Составитель свода 1481 дополнил свод 1469 описанием событий 70-80-х., особое внимание уделяя борьбе с Новгородом в 1478 и отношениям Пскова с великим князем московским.
- В своде 1547 до 1446 текст идентичен Новгородской V летописи, а начиная с 1447 следует текст, близкий Архивскому I списку. Составление свода 1547 ученые (А. А. Шахматов, А. Н. Насонов, Н. Н. Масленникова) связывают с псковским Елеазаровым монастырем и именем старца Филофея. Как и в посланиях Филофея, в своде 1547 сочетаются почтительное уважение к великому князю московскому и безусловное приятие его власти с обличением московских наместников и тех порядков, которые они установили в Пскове. Особенно отчетливо эти настроения проявляются в описании событий 1510 (Повесть о псковском взятии).

Псковское летописание

- Псковская III летопись представляет собою свод 1567, продолженный затем до сер. XVII в. Псковская III летопись восходит к общему с Псковской I летописью протографу, но его текст передает в сокращенном виде. Расходятся летописи и в оценке многих событий. Свод 1567 резко враждебен власти великого князя московского, здесь опускаются известия о наместниках великого князя, умалчивается о тех событиях, которые свидетельствовали бы о подчиненности Пскова Москве (статьи 1490, 1500, 1501, 1511, 1517 и др.). Описывая события 1510, составитель свода 1567 обвиняет великого князя в том, что он “старину порушил, забыв отца его и дедов его слова и жалованья до пскович и крестного целования”. Установление нового порядка рассматривается в своде как начало антихристового царства. Используя цитату из Апокалипсиса, летописец предрекает: “пять бо царей минуло, а шестый есть, но не у бе пришел; шестое бо царство именует в Руси Скивскаго острова; си бо именует шестый, и седьмы по том еще, а осмый антихрист”. Автор свода 1567 осуждает Василия III, постригшего в монахини свою жену Соломонию и женившегося на Елене (статья 1523). Негативно отношение автора свода 1567 и к Ивану IV. В связи с женитьбой Ивана IV и венчанием его на царство летописец в статье 1547 вновь вспоминает Апокалипсис и говорит о приближении царства антихриста. Предполагают, что свод 1567 создавался в Пскове-Печерском монастыре и был составлен если не самим игуменом Корнилием (1529-1570), то под его непосредственным руководством.

Псковское летописание

- **Особое место в псковском летописании занимает Псковская II летопись - свод 1486, она дошла до нас в единственном (Синодальном) списке конца XV в. На всем протяжении летописи составитель свода 1486 сокращал текст общего для всех трех псковских летописей протографа, причем в сокращениях прослеживаются определенные тенденции: исключаются упоминания о псковском вече, усиливаются резкие оценки политики Новгорода по отношению к Пскову. Зато очень подробно составитель Псковской II летописи описывает волнения 1483-1486 в Пскове. Они были вызваны недовольством городских низов, вече псковскими посадниками, которые обвинялись вместе с наместником великого князя в составлении новой "смердьей" грамоты. Псковская II летопись, рассказывая о перипетиях брани о смердах с большим уважением и благожелательностью относится к посадникам, к великому князю московскому и его наместнику в Пскове. Политические тенденции свода 1486 Ю. Грабмюллер определяет как промосковские, предполагая, что инициатива составления летописи принадлежала Степану Максимовичу Дойниковичу, псковскому посаднику в 1476-1484, 1486-1499, она должна была служить оправданием действий группы посадников в событиях 1483-1486.**

Псковское летописание

Особенности псковского летописания:

- 1. Псковские хроники представляют собой военные хроники. Подробно описаны военные действия, укрепления, оборонительные сооружения.**
- 2. В Псковских летописях отрицается борьба промосковских и антимосковских партий.**
- 3. В Псковских летописях большая антимосковская направленность.**

Южнорусское летописание.

- **Киевское летописание.**
- **Летописание Переяславля Южного .**
- **Летописание в Галиче Волынском.**

Южнорусское летописание.

- Источниками изучения южнорусского летописания XII — XIII вв. **служат:** Ипатьевский (нач. 15 в.), близкие к нему Хлебниковский (16 в.), Погодинский (17 в.), Ермолаевский (конец 17 нач. 18 в.) и другие списки, а также списки Воскресенской и основной редакции Софийской I летописей. Киевское летописание, с одной стороны, как будто продолжало **традицию Повести временных лет**, с другой — утратило общегосударственный характер и превратилось в семейную летопись киевских князей.

Киевское летописание.

- в значительной мере утратило широкий, общерусский взгляд на события современности, присущий «Повести временных лет»: эта летопись — скорее хроника деяний киевских князей и их политических партнеров или противников. Повествуя о событиях современности, Киевская летопись утратила и другую привлекательную черту «Повести временных лет» — связь с историческим эпосом и, соответственно, черты эпического стиля. По большей части мы находим в Киевской летописи погодные записи — то краткие, лаконичные, то подробные, скрупулезно излагающие перипетии военной или дипломатической жизни, но при этом остающиеся лишь информацией, не перерастающей в подлинно сюжетное повествование. Сюжетных рассказов в Киевской летописи немного: это так называемые «повести о княжеских преступлениях» (рассказ об убийстве Игоря Ольговича под 1147 г., рассказ о клятвопреступлении Владимирки Галицкого под 1140–1150 гг., повесть о убиении Андрея Боголюбского)^[106] и повесть о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г.
- Киевская летопись, особенно в своей второй части (начиная со статей 40-х гг. XII в.), — наглядный пример торжества стиля монументального историзма, зарождение которого мы наблюдали еще в «Повести временных лет» (см. ранее, с. 43). И киевский, и черниговский летописцы, и составитель хроники Ростиславичей часто приводят пространные некрологические характеристики, постоянно употребляют традиционные речевые клише при описании битв или каких-либо значительных моментов в жизни князя.^[107]

Киевское летописание.

- в числе трех источников южнорусского летописного свода нач. XIV в. (т. е. Ипатьевской летописи) находится киевский свод 1200 г. князя Рюрика Ростиславовича. Получить текст этого свода из состава Ипатьевской летописи возможно, если мы удалим из текста Ипатьевской от «Повести временных лет» до 1200 г. все известия, которые восходят к двум другим источникам, т. е. к галицко-волынской летописи и северо-восточному своду XIII в. Сделать это не представляет больших затруднений, потому что галицко-волынская летопись содержала в себе свои галицко-волынские известия, а северо-восточный свод XIII в., весьма, как увидим, близкий к тексту Лаврентьевской летописи, при сопоставлении с Лаврентьевской обнаруживается безошибочно. После удаления известий галицко-волынских и восходящих к северо-восточному своду XIII в. мы получим киевский летописный свод, о котором легко заключить, что он составлен в Выдубицком монастыре в 1200 г. и в последних годах своего повествования, с 1173 г., имел в виду прославить деятельность князя Рюрика Ростиславовича.

Летописание Переяславля Южного

- **зародилось в начале XII в.** И велось вплоть до 1228 г. Начало его было положено, скорее всего, игуменом Сильвестром. Существовало 2 летописных центра — епископский и княжеский.

Летописание Переяславля Южного

- в переяславском (Южном) летописании мы имеем сведения и за XIII в. Возникшее в начале XII в., вероятно, с назначением на переяславскую епископию Сильвестра, редактора 1116 г. летописной работы Нестора, переяславское летописание до 1175 г. ведется как епископский Летописец, на смену которому возникает уже упоминавшийся нами переяславский княжеский летописец Владимира Глебовича, кончавшийся описанием смерти этого князя в 1187 г., а затем имевший непрерывное продолжение, частично отражавшееся в разных моментах великокняжеского летописания Владимира Суздальского. Последняя редакция этого переяславского Летописца, отразившаяся во владимирском летописании, кончалась 1228 г. Впрочем, обо всем этом переяславском летописании XII и начала XIII вв. подробная речь будет еще впереди.

Летописание Галицко-Волынской земли.

- Вероятно, еще в XII в. начало вестись летописание в Галиче Волынском. К сожалению, галицко-волыньские летописи за это столетие почти не нашли отражения в позднейших сводах. И все-таки есть основания ("судя по точности дат и мелочам описания, которые нельзя было передать припоминанием"²⁴) считать, что уже тогда здесь систематически велись годовые записи. В конце XIII в. на этом материале было создано единое повествование, лишенное годовых дат. Основной целью его было, как полагает М.Д. Присёлков, "привести и собрать доказательства от истории в свою пользу как обладателя старого Киева на право первенства среди русских княжеств"²⁵. Считается, что его автор был светским человеком, возможно, из княжеской дружины. По стилю его рассказ напоминает произведения византийских "историков", не переведенные на древнерусский язык. Оно-то и составило основу Ипатьевской летописи.

Особенности Южнорусского летописания (до XIVв.).

- 1. Ослабление погодной сетки подачи материала.
- 2. Образный язык и стиль.
- 3. Большое количество фольклорных источников.
- 4. Семейный характер летописей.

Летописание Северо-востока.

- **Источники.**
- **Владими́ро-Сузда́льское летописание.**
- **Ростовское летописание.**

Летописание Северо-востока.

- Источники: Радзивилловский (конец XV в.) и Московский Академический (XV в.) списки, восходящие к общему протографу (Радзивилловская летопись), летописец Переяславля Суздальского (список 60-х гг. XV в.) и Лаврентьевский список 1377 г. и др.

Владими́ро-Сузда́льское летописание.

- Начиная с середины XII в. все более заметной становится роль в общерусских делах Владимиро-Суздальского княжества. Юрий Долгорукий дважды (1149–1150, 1155–1157) добивается киевского стола, в 1169 г. Киев был взят и разгромлен войсками Андрея Боголюбского — сына и преемника Юрия. Военно-политическая активность не могла не отразиться на идеологической жизни Владимиро-Суздальского княжества, и на смену кратким записям, ведшимся, как полагают, уже с начала XII в. в Ростове и Владимире и фиксировавшим наиболее значительные исторические события, приходят летописные своды. Исследователи реконструируют Владимирские своды 1175 г., 1189–1193 гг. и созданный на их основе княжеский свод начала XIII в. (1212).^[108] Своды конца XII в. сохранились в составе Лаврентьевской летописи, а свод 1212 г. — в Радзивиловской и Московско-Академической летописях,^[109] а также в «Летописце Переяславля-Суздальского».^[110] Владимирское летописание преследовало цель утвердить авторитет своего княжества и обосновать его претензии на политическую и церковную гегемонию во всей Руси. Именно поэтому владимирские своды не ограничивались описанием местных событий, а представляли широкую картину истории всей Русской земли; южнорусские события излагались в основном по летописям Переяславля-Южного, с которым у владимирских князей были прочные политические связи.

Владими́ро-Сузда́льское летописа́ние.

- Берет свое начало с 1158 г., когда при дворе Андрея Боголюбского началось летописание. В 1177 г. они были объединены с отдельными летописными заметками Юрия Долгорукого в великокняжеский свод. Продолжением его стал летописный свод 1193 г., включивший также материалы княжеского летописца Переяславля Южного. В 1212 г. на его основе был создан лицевой свод великого князя Владимирского. До этого момента летописание, вероятно, велось в Успенском соборе. В дальнейшем вследствие монгольского нашествия Владимирское летописание затухает.

Владими́ро-Сузда́льское летописание.

- Для владимирских летописных сводов конца XII в. характерна стилистическая манера, отвечающая идеологической направленности владими́ро-сузда́льского летописания: летописцы постоянно украшают свое повествование нравоучительными и благочестивыми рассуждениями, подчеркивая этим, что их княжество находится под покровительством патрональной иконы — Владимирской божьей матери и что именно «владимирцы» «прославлены богом по всей земли за их правду». Владимирские князья в изображении летописцев исполнены мудрости, справедливости и благочестия; некрологические характеристики их торжественно помпезны, пересыпаны цитатами из священного писания.
- Несколько иной характер имеет свод 1212 г.: его составитель, как отметил Д. С. Лихачев, «систематически исправлял стиль предшествующего летописания, стремясь избавиться от излишних архаизмов и церковнославянизмов в лексике». Свод 1212 г. был иллюстрирован многочисленными миниатюрами. Все это, по мнению Д. С. Лихачева, свидетельствует о стремлении великого князя владимирского (инициатора создания свода) «придать своему летописанию торжественность, парадность и вместе с тем доступность для понимания людей, не искушенных в церковной книжности». [\[11\]](#)

Ростовское летописание.

- Продолжило традиции владимирских великокняжеских сводов. Здесь уже в начале XIII в. Был создан местный княжеский летописец, во многом сходный с владимирским. В 1239 г. появилось продолжение великокняжеского владимирского свода, вобравшего в себя и известия Ростовского свода 1207 г.
- Летописание в Ростове, заведенное князем Константином Всеволодовичем и продолжавшееся его сыновьями, было делом епископской кафедры. Ростовский епископ, до переезда во Владимир митрополита, управлял церковными делами всего Владимиро-Суздальского края.

Ростовское летописание.

- Самостоятельное ростовское летописание существовало на протяжении нескольких столетий, его фрагменты можно отыскать в большинстве уцелевших летописных сводов. Исследователи не раз обращались к истории летописного дела в Ростове¹. Содержащиеся в научной литературе наблюдения позволяют представить важнейшие вехи в развитии ростовского летописания и сделать вывод о его тесном взаимодействии с летописными традициями других книжных центров Древней Руси. При этом следует признать, что многие вопросы, касающиеся летописания Ростова, все еще далеки от своего окончательного разрешения. В частности, относится это к летописанию второй половины XIII в.

Ростовское летописание.

- Ростовское летописание XIII в. полнее всего сохранилось в составе Лаврентьевской и Троицкой летописей, передающих великокняжеский Свод 1305 г., а из числа поздних памятников – в составе Никоновской летописи испытавшей сильное влияние летописи Троицкой (или предшествующего ей свода конца XIV в.²) посредством двух источников – Симеоновской летописи и протографа Владимирского летописца; в Никоновской отразилось и ростовское владычное летописание³.

Особенности Владимирского летописания

- Владимирское летописание стремилось утвердить авторитет своего княжества и обосновать его претензии на политическую и церковную гегемонию на Руси. Именно поэтому владимирские летописные своды не ограничивались описанием местных событий, а представляли широкую картину истории всей Русской земли. Южнорусские события излагались в основном по летописям Переяславля Южного, с которым у владимирских князей были прочные политические связи.

Особенности Владимирского летописания

- Летописцы Владимирского свода конца XII в., отразившегося в Лаврентьевской летописи, постоянно вставляют в свое повествование нравоучительные и благочестивые рассуждения, подчеркивая, что княжество их находится под покровительством патрональной иконы — Владимирской Богоматери и патрональной церкви — Успенья Богоматери, где эта икона находилась; именно владимирцы прославлены Богом по всей земле. «за их правду». Владимирские князья, по словам летописцев, исполнены благочестия и мудрости, некрологические характеристики их торжественно помпезны, пересыпаны цитатами из Священного писания.

Особенности Владимирского летописания

- Несколько иной характер имеет свод начала XIII в., отразившийся в Радзивилловской летописи. По наблюдениям М. Д. Приселкова, составитель его «принадлежал к числу реформаторов языка летописания»: он систематически заменял устаревшие слова и обороты, стремясь к созданию «современного и удобопонятного» слога. Кроме того, он опускал в повествовании незначительные, по его мнению, известия, например сведения о поставлениях и смертях некоторых епископов, о смертях и погребениях княгинь и княжон; при указании дней, когда происходили описываемые события, опускал сведения о святых, в эти дни почитавшихся, и т. д..